

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/19986645/32/9

В.С. Киселев, Э.М. Жиликова

«ПЛАН УЧЕНИЯ... НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА» В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В.А. ЖУКОВСКОГО¹

Статья посвящена истории текста «Плана учения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича» и анализу его проблематики. Дается описание рукописей и публикаций «Плана», реконструируется контекст педагогической деятельности и творческих замыслов В.А. Жуковского, важный для понимания документа. Выявляются концептуальные источники образовательной программы (принципы И.Г. Песталоцци), нацеленной на всестороннее обучение и воспитание наследника престола.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, И.Г. Песталоцци, история русской литературы, история русской педагогики.

В корпусе педагогической прозы В.А. Жуковского «План учения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича» занимает особое место. Это, по сути, единственное концептуальное и последовательное изложение системной воспитательной программы. Другие тексты либо посвящались конкретным аспектам образования, исторического, языкового, литературного и т.п., либо комментировали отдельные положения педагогической методики. Подобной «весомости» документа способствовала, безусловно, важность миссии воспитателя наследника престола. Предельно ответственно относясь к возложенным на него обязанностям, Жуковский старался учесть лучший опыт современных педагогов, но придавал ему очень личное осмысление, исходившее из наблюдений предшествовавшей семейной (обучение Маши и Саши Протасовых, В.И. и А.П. Киреевских в конце 1800-х – середине 1810-х гг.) и придворной педагогической практики (см. о ней в целом [1–5]).

Последняя началась, когда 9 октября 1817 г. Жуковский по рекомендации вдовствующей императрицы Марии Федоровны, при которой он состоял чтецом, был назначен учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны, жены Николая Павловича. Эти уроки продолжались по сентябрь 1820 г. и были прерваны отъездом ученицы на лечение минеральными водами за границу. Впрочем, Жуковский состоял и в этот период в свите великой княгини и периодически занимался с ней до 1825 г. Проанализировав подготовительные учебные материалы (общие программы, планы конкретных уроков, пособия), предназначенные для занятий с великой княгиней, Л.Н. Киселева справедливо констатировала, что «Жуковский отнесся к делу преподавания русского языка Александре Федоровне со всей серьезностью, вложив в это дело много времени, сил и того «энтузиазма», о

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-34-01228.

котором он писал А. Тургеневу» [6. С. 221]. И хотя результаты обучения оказались достаточно скромными («Планы Жуковского, включая темпы их проведения в жизнь, явно не соответствовали ни обстоятельствам жизни (придворная и семейная жизнь, светские и представительские функции), ни характеру его ученицы» [6. С. 221]), ему удалось привить воспитаннице любовь к русскому языку и литературе. В 1823 г. Мария Федоровна назначила поэта также учителем русского языка при невесте великого князя Михаила Павловича Фридерике Шарлотте Марии, после крещения Елене Павловне. Эти занятия также продолжались до 1825 г.

Новая должность воспитателя наследника престола, предложенная в июле 1824 г., требовала от Жуковского более широкого и детального подхода к педагогической деятельности, поскольку он должен был вести не один частный курс, а координировать деятельность других учителей и воплощать в жизнь единую универсальную образовательную программу. Первый ее набросок, сложившийся в ходе подготовительных занятий, мы находим в письме к великой княгине Александре Федоровне от 15 (27) ноября 1825 г.: «Я позволю себе представить Вашему Высочеству, сколь смогу, кратко, некоторые общие мысли о ходе обучения, которое мы могли бы избрать для нашего дорогого дитя. Вначале: в воспитании и обучении есть три основных срока, которые нужно с ясностью различать и отделять четкими границами: Ребенок – мужчина – государь. Ребенок должен быть счастлив. Мужчина должен учиться и быть деятельным. Государь должен иметь великие замыслы, прекрасный идеал, возвышенный взгляд на его предназначение, ничего несбыточного, но естественный результат всего, что предшествовало. Нужно относиться к нему, как к ребенку, в детстве, чтобы он мог стать однажды мужчиной и чем более будет он чувствовать себя мужчиной, тем менее усомнится он в том, что он государь, когда еще не настанет пора быть государем, и тем более будет он рад представшей пред ним великой судьбе, когда однажды его поздравят с его титулом <...>. Такова, в нескольких словах, общая характеристика, которой нужно придерживаться в подготовительном обучении, основные его принципы. Не хотеть многого; немного знаний, но полных и ясных; пытаться объять все, но в малой форме; основываться на главных предметах, дабы они могли послужить тем взглядам, которые легко объемлют все целиком; не затуманивать голову тем, что лишь второстепенно, что составляет лишь частности; вдаваться в подробности лишь ради того, чтобы составить четкую мысль о главном; медленно продвигаться от знакомого к незнакомому и оставлять позади лишь то, что уяснено, одним словом, лучше меньше, но хорошо усвоенное, чем много, но плохо усвоенное; ничего ради блеска, все ради прочности» [7. С. 272–273, 275].

Целостное изложение данная программа нашла в «Плане учения», известного нам по черновому автографу (ПД. Онегинское собрание. № 27815. Л. 2–20) и копии (ПД. Ф. 265 (Архив журнала «Русская старина»). Оп. 2. № 1043. Л. 1–36 об.). Копия «Плана учения» представляет собой переплетенную тетрадь большого формата с каллиграфической чистовой рукописью, предназначенной для публикации в журнале «Русская старина» [8]. В рукописи присутствуют карандашные и чернильные корректорские

пометы (деление на абзацы и т.п.) и исправления (орфографические ошибки), внесенные публикаторами, вероятно, М.И. Семеvским. Этот текст, кроме февральского номера «Русской старины» за 1880 г., был одновременно напечатан по той же копии, сообщенной М.И. Семеvским, в 30-м выпуске «Сборника Императорского Русского исторического общества» (февраль 1880 г.) в ряду других учебных материалов, подготовленных разными преподавателями для наследника престола великого князя Александра Николаевича [9].

К сожалению, черновые автографы «Плана учения» пока не были обнаружены, а известная нам рукопись Жуковского из «Онегинского собрания» РО ПД содержит в качестве исходного уровня текст, полностью совпадающий с копией «Русской старины» и печатным вариантом двух публикаций за исключением финального фрагмента с личным обращением к императору Николаю I: «Государь! может быть, прежде я бы не с такою доверенностью к вам употребил сей язык свободный! Но теперь, после того, что случилось, смелая искренность с вами не стоит никакого усилия. Вы познакомили с собою Россию; вы доказали нам, что можете благу общему жертвовать собою; в минуту опасную вы вверились своему народу; вашей неустрашимости обязаны мы сохранением спасительного царского трона; с этой минуты видим деятельность, имеем право надеяться времен прекрасных, порядка, законов, просвещения, всего, что было в душе Александра. При таких надеждах и мне, как верному подданному царя, как верному сыну отечества, усладительнее приступить к священному своему делу. Содействуйте, Государь, его успеху, помогая наставникам в ненарушимом исполнении их плана. Царствуя для блага России, вы будете царствовать и для вашего сына: он будет спокойно возрастать под благотворным влиянием правления мужественного; со временем от вас же научится высшему искусству; а наследием его будет устроенная Россия и люди, образованные вами для поддержания с ним вместе сего устройства» [8. С. 253] или [9. С. 20].

Очевидно, по этому тексту составлялась чистовая копия, предназначенная для утверждения императором Николаем I, сохранившаяся в бумагах Г.П. Павского и позднее послужившая источником для публикаторов¹ (о ее датировке см. ниже). Исправления, внесенные Жуковским в рукопись «Онегинского собрания», являются уже следующим этапом обработки текста и относятся, скорее всего, ко второй половине 1829 г., когда писатель обдумывал замысел педагогического придворного журнала «Собиратель» и включил в него большой заключительный фрагмент «Плана», посвященный истории [8. С. 251–253], под названием «Польза истории для государей» [10].

Исправления можно разделить на несколько групп. Первые сводятся к приведению плана в соответствие с реалиями уже начавшегося процесса обучения: изменение списка учителей для предметов первого периода (л. 14), исключение подробной номенклатуры занятий «talантами» (музыка,

¹ На л. 36 об. копии «Русской старины» есть помета карандашом: «Сообщ<ил> Г<ерасим> А<лександрович> Орлов из бумаг его деда протоиерея Герасима Петровича Павского», перенесенная публикаторами в печатный текст [8. С. 253].

рисование, танцы, гимнастика, ручная работа) (л. 9–10) и детального описания предполагавшихся пособий – библиотеки, карт, эстампов (л. 15–16) и т.п. Вторые представляют собой зачеркивание ряда фрагментов, акцентировавших определенные положения «царской педагогики» Жуковского и адресованных напрямую высочайшему адресату «Плана» Николаю I, как, например, фразы в разделе о ваканциях наследника престола, которые предполагалось посвятить военным упражнениям: «Одно только необходимое условие – чтобы сии военные наставительные игры принадлежали исключительно одной эпохе года и нисколько не вмешивались в остальное ученье, которое в противном случай расстроят совершенно, ибо уничтожат внимание»; «Великому Князю должно быть не простым солдатом, а мужем, достойным престола России. И здесь целью было не одно знание фрунта, механически приобретаемое»; «Такого рода забава не должна быть одна механическая экзерциция солдата, бесплодная, если не убийственная для нравственного человека: с нею во власти наставника весь человек и все его силы» (л. 13) и т.п. Еще несколько подобных зачеркиваний содержалось в разделе «Некоторые примечания» и касалось советов ограничить нарушения учебного календаря из-за разъездов великого князя, связанных с выполнением придворных обязанностей (л. 17). Наконец, Жуковский исключил из текста прямые обращения к императору с изложением своего образа мыслей (л. 18 и приведенный выше финал «Плана»). Можно предположить, что писатель раздумывал над возможностью полной или частичной публикации документа и вносимые сокращения придавали ему необходимую обобщенность, снимали частную адресацию. Но до реализации замысел не был доведен, в отличие от «Введения в историю государства Российского» и «Черт истории государства Российского», напечатанных в придворной типографии соответственно в 1830 и 1834 гг.

Датировать «План учения» позволяют обстоятельства назначения Жуковского воспитателем великого князя Александра Николаевича, а также финал статьи, где упоминаются события 14 (26) декабря 1825 г., причем как недавние: «Но *теперь, после того, что случилось* <...> Вы познакомили с собою Россию <...> в минуту опасную вы вверились своему народу; вашей неустрашимости обязаны мы сохранением спасительного царского трона». (курсив наш. – В.К., Э.Ж.). Это намечает верхнюю хронологическую границу работы над текстом – начало 1826 г., вероятнее всего – январь-февраль 1826 г., поскольку в феврале Жуковский был утвержден в должности наставника наследника престола, для чего план учения должен был быть уже представленным и одобренным. Нижняя граница определяется предложением Николая Павловича, будущего императора, занять эту должность, данным в июле 1824 г. Если учесть, что к занятиям с великим князем Жуковский приступил только в июне 1825 г., а 15 (27) ноября в письме к великой княгине Александре Федоровне [7], будущей императрице, сообщал о неготовности к полному обозрению плана обучения, можно предположить, что время создания рукописи – декабрь 1825 г. – февраль 1826 г.

Положения указанного письма к великой княгине Александре Федоровне нашли развитие в «Плане учения», где сложилась общая образовательная

система. Ее цель Жуковский позднее сформулировал так: «Дело идет о средствах обеспечить успех воспитания великого князя и довести его до предпринятой цели, а именно: образовать в нем монарха великой империи» (письмо к императрице Александре Федоровне от 1 (13) июня 1827 г. [11]). Цель предполагалось достичь в три этапа, выступавших прообразами начального, среднего и высшего образования. Первый – с 8 до 13 лет – включал в себя «приготовительное учение», т.е. изучение общеобразовательных дисциплин. Второй период – с 13 до 18 лет – предусматривал «учение подробное», т.е. систематический курс начал основных наук, и третий период – с 18 до 20 лет – «учение применительное», ориентированное на жизненную практику наследника престола, круг его «профессиональных» обязанностей.

Свою педагогическую систему Жуковский основал на методике, предложенной И.Г. Песталоцци (1746–1827), создателя оригинальной системы образования, базировавшейся на идеях Ж.Ж. Руссо и оказавшей огромное влияние на европейскую педагогическую мысль. Писатель был хорошо знаком с образовательной концепцией известного швейцарского педагога. Еще в период редактирования «Вестника Европы» он публикует статью «Фелленберг и Песталоцци» [12], излагает суть его метода [13]. В библиотеке Жуковского имеется целый ряд произведений, излагающих педагогическую систему Песталоцци (см. указатель имен в [14]), а также собрание сочинений швейцарского педагога [15].

Песталоцци, автор большого числа педагогических трудов, в том числе «Журнала для воспитания», создал систему развивающего «природосообразного» обучения ребенка, включающую развитие познавательных способностей, отказ от механической зубрежки, требование гармонического развития всех сил и способностей человеческой природы. Его система характеризовалась демократизмом: «целью деятельности Песталоцци было всеобщее начальное образование народа» [16]. Песталоцци руководил известными воспитательными заведениями в Швейцарии: «Учреждением для бедных» (1798–1799), средней школой и интернатом в Бургдорфе (1800–1804) и Ивердоне (1805–1825).

Имя Песталоцци стало известно в России при участии Фредерика-Сезара Лагарпа (1754–1838), видного швейцарского государственного деятеля, воспитателя великого князя Александра Павловича в 1784–1795 гг. и рекомендовавшего русскому императору Павлу I некоторые педагогические указания швейцарца [16. С. 20–21]. Известно, что между Песталоцци и ректором Дерптского университета, профессором физики Г.Ф. Парротом в 1804 г. шла переписка по поводу возможного приезда педагога на службу в Россию [17]. Во время обучения в Геттингенском университете Песталоцци посетил в Швейцарии А.С. Кайсаров, друг Ан. И. Тургенева и Жуковского. Ознакомлению с идеями Песталоцци в России способствовали переводы и обсуждения его трудов в журналах. В 1806–1807 гг. Императорской Академией наук была опубликована в переводе «Книга для матерей, или Способ учить дитя наблюдать и говорить» с предисловием переводчика Ф.Г. Покровского, учителя В.А. Жуковского. В «Вестнике Европы» в 1807 г. была помещена статья «О новой методе воспитания, изобретенной Песталоццием, швейцарским пе-

дагогом» [18]. В дерптском и петербургском окружении Жуковского, помимо Г.Ф. Паррота, с Песталоцци был связан Иоганн Мюральт (Муральт, 1780–1850), бывший с 1803 г. (до переселения в Россию в 1810 г.) одним из основных сотрудников учебных заведений Песталоцци в Бургдорфе, Мюнхенбухзее и Ивердоне [17. С. 126], а затем учредителем училища при реформатской церкви в Петербурге, в котором нашли практическое воплощение идеи Песталоцци [16. С. 31–35].

Таким образом, обращение Жуковского к его методике было подготовлено всеобщим и растущим интересом общества к вопросам детского воспитания и педагогическим системам. Для самого Жуковского эти проблемы были предельно важны в связи с личной педагогической практикой в воспитании сестер Протасовых и малолетних, оставшихся без отца детей В.И. и А.П. Киреевских. В записной книжке «Разные замечания. 1807» среди рассуждений на морально-философские темы, представляющих, по мнению А.С. Янушкевича, «опыт примечаний, комментария к моральным статьям из знаменитой французской энциклопедии Дидро и Д'Аламбера» [19. Т. 13. С. 463], важное место занимают записи на тему «первого воспитания ребенка», «отношений матери и дитя» [19. Т. 13. С. 38, 42, 46]. В письме к И.И. Дмитриеву от 10 марта 1810 г. из Москвы Жуковский, рисуя свои планы, включает в их круг знакомство с Песталоцци: «Иногда, вообразив, что счастье в Петербурге, готов уже взять подорожную; то вздумается, что оно на каких-нибудь Швейцарских горах, и я мечтаю о путешествии в Швейцарию, о двух-трех годах, проведенных у Песталоцци, для того чтобы завести что-нибудь подобное его институту в России и быть через то истинно полезным» [20]. Имя Песталоцци как высшего педагогического авторитета называется в письме А.П. Елагиной к В.А. Жуковскому от 15 мая 1815 г. в связи с постоянно обсуждаемым ими вопросом воспитания детей. «<...> Все мне будет весело жить по часам, расположенным вами, – пишет она. – <...> Меня достанет на все <...> я готова быть <...> самим Песталоцци с детьми своими <...>» [21]. Идеи Песталоцци реализовались и в деятельности Жуковского по обучению великой княгини Александры Федоровны русскому языку в 1817–1820 гг., которое педагог старался согласовывать с повседневной жизнью ученицы и строить на «природосообразных» основах, используя в том числе и приемы обучения языку, рекомендованные швейцарцем (см. подробнее [6]).

Заинтересованное внимание к Песталоцци проявится и позже – во время путешествия Жуковского за границу в августе – сентябре 1821 г. Судя по записям в дневнике, писатель из-за недостатка времени не попал «ни в Ивердон, ни в Невшатель» и сокрушался о том, что «это лишило <его> счастья видеть старика Песталоцци» [19. Т. 13. С. 209], но он встретился с К.В. Бонстеттеном (1745–1832), главой швейцарской культуры, говорил с ним о Байроне, мадам де Сталь и Песталоцци и зафиксировал в дневнике как важное услышанное от Бонстеттена о мадам де Сталь – «ее живости с Песталоцци; его candeur [душевной чистоте], его образовании и разговоре; его экономии; опеки от Ивердуна; Песталоцци у M-m Staël» [19. Т. 13. С. 211]. Жуковский также посетил замок Ферней и побывал у Ф.Э. Фелленберга, еще одного известного швейцарского педагога, сторонника соединения детского труда (в основе земледельческого) с обучением и воспитанием, устроителя в 1794 г.

в Гофвиле воспитательных учреждений с разными уровнями образования в зависимости от экономического достатка семьи ученика: сельскую школу – для бедных, пансион и учительскую семинарию для детей благородного сословия. Поэт описал в дневнике эти визиты в подробностях и деталях: «Поездка в Гофвиль. <...> Дом Фелленбергов. Магазин для машин. Погреб. Мастерская. Училище бедных и Верли. Дом пенсионеров. Turnanstalt. Дом приготовления для бедных девочек. Сад пенсионеров. <...> Пенсион: горницы, спальни, кабинеты для двух, цветники. Фелленберг; разговор: важность проповедника; главная мысль. О государе. Наш священник. Школа для бедных: их спальня, учебная горница; собственный минеральный кабинет. Верли. О Песталоцци» [19. Т. 13. С. 213].

В подготовке и реализации плана обучения и воспитания наследника престола Жуковский проявил себя как подлинный педагог-новатор, который успешно адаптировал модель обучения в народной школе, разработанную и проверенную Песталоцци, для элитарного индивидуализированного образования. Так, основой первого, «приготовительного» периода обучения становится у Жуковского «практическая логика», т.е., у Песталоцци, процесс, построенный по принципу «от простого к сложному», который сначала позволяет детям анализировать признаки и свойства предметов, и далее по мере обобщения информации приходить к чётким понятиям о них. Во главу угла такого способа обучения ставится цель научить детей логическому мышлению, активизировать их ум к постановке задач и их решению. «Практическую логику», однако, Жуковский дополняет «теоретической логикой», основанной на библейской истории и христианской нравственности, подчиняя тем самым обучение моральному воспитанию, главной цели всей своей педагогической программы («Цель *воспитания* вообще и *учения* в особенности есть *образование для добродетели*» [8. С. 231]). Это же соотношение выдерживается и во втором периоде, когда систематическое усвоение начал основных наук становится лишь фундаментом для нравственного самоопределения, ответа на вопрос, «что я быть должен» и «к чему я предназначен» [8. С. 232].

Оригинальную разработку нашли в «Плане» и педагогической деятельности Жуковского и другие воспитательно-образовательные принципы Песталоцци – **порядок и систематичность** («предметы учения должны быть преподаваемы в их естественной *связи*, не совокупно, а *по порядку*, с сохранением надлежащей *постепенности*, переходя от *легкого к трудному*, так, чтобы в голове воспитанника по истечении первого периода могла остаться полная *система приготовительных знаний*» [8. С. 234]); **формирование собственной мотивации и интереса к учению** («*Возбуждение собственной деятельности воспитанника*» [8. С. 237]; «Стараться сделать и предмет учения и самое учение привлекательными, возбуждая любопытство, владея вниманием, питая воображение, говоря сердцу» [8. С. 237–238]); **свобода** («Весь труд должен выполняться теми, кто его окружает; он же должен чувствовать себя свободным, должен идти впереди, не замечая, что его ведут. Свобода – это громкое слово, свобода означает свободно и с удовольствием делать то, что велит долг. Это основной принцип его нравственного воспитания, и

одновременно это же принцип его обучения» [7. С. 273]), а также **наглядность** (наглядным пособиям – картам, эстампам, «гипсам», физическим приборам, минералогическим образцам и пр. – посвящен целый раздел «Плана»), **интерактивность**, **учет индивидуальных качеств воспитанника** и др. (подробнее о педагогической программе Жуковского см. [22]).

Особой заботой воспитателя была также минимизация влияний, обусловленных специфическими обязанностями великого князя – придворными и военными. Они были неизбежны, но, по мысли Жуковского, должны быть введены в приемлемые рамки, согласующиеся со всей системой образования. В этих целях он просил Николая I ограничить переезды воспитанника и его участие в придворных церемониях («Осмелюсь сказать откровенно: частые переезды из места в место кажутся мне весьма вредными для занятий Великого Князя» [8. С. 248]). В рамки каникул должны были помещаться и военные штудии, считавшиеся для наследника престола едва ли не важнейшим элементом с петровских времен: «Все это время могло бы быть посвящено разнообразной военной деятельности, а не одной механической. Великий Князь узнал бы на опыте службу и все ее оттенки. И сие занятие, которое могло бы мешать и вредить его учению, когда бы оно *во всякое время* было соединено с ним, сделалось бы новым, весьма действительным *средством образования*, когда бы совершенно от остального учения *отделилось*, когда бы ему посвящено было только такое время года, в которое всякое другое занятие обременительно» [8. С. 242–243]. Жуковскому удалось изменить традицию, император пошел ему навстречу, более того, личным решением отложил начало практического обучения сына в петергофских лагерях до 1829 г. Однако вместо создания «потешной» роты «под цесаревича» он приказал зачислить в июне 1827 г. девятилетнего великого князя цесаревича Александра Николаевича в списки кадетов Первого кадетского корпуса.

Финал «Плана» Жуковский посвятил излюбленной мысли о значении истории для политической деятельности государя, одному из основных положений своей «царской педагогики», развиваемой в русле идей Иоганна Мюллера (1752–1809). Известный швейцарский историк и публицист был в числе любимых авторов Жуковского, его избранные письма к Виктору Бонстеттену он переводил еще для «Вестника Европы» [23–24] и считал «катехизисом того человека, который хочет посвятить себя наукам» (письмо А.И. Тургеневу от 19 сентября 1810 г. [25]). В исторических воззрениях Мюллера Жуковский наиболее ценил две мысли: об истории как орудии нравственно-политического воспитания, уроке народам и царям и о верховной силе закона, сочетающегося с просвещенным правлением самодержавного монарха, обоснование чему Мюллер находил у Монтескье в «Духе законов».

Эти идеи в дальнейшем Жуковский выделял и у других философов. «Закон есть порядок, направляющий движение», – записал он на полях «Политики» Густава Эверса. «Три истины знать должен каждый: закон, человек, время, Бог» – подчеркнул Жуковский при чтении И.-Я. Энгеля (подробнее см. [26]). В дневнике 1835 г. писатель констатировал: «А что такое справедливость его правителя: охранение прав, законом утвержденных, следственно,

строгая покорность закону без всякого изъятия. <...> Тут всего необходимее для нас и для нашего государя твердая законность: привычка к ней и в царе и в подданных достаточно заменит всякую конституцию» [19. Т. 14. С. 29].

Слова Мюллера выступили лейтмотивом финального отрывка «Плана», позднее изданного в «Собирателе» [10]: «Наконец, в заключение слова Иоанна Мюллера, которыми он оканчивает свою “Всемирную историю”: умеренность – порядок, а смысл их не упускай никогда из глаз своей цели; подвигайся вперед не быстро, но постоянно; строй без спеха, но для веков; исправляй не разрушая, не упреждай своего века, и не отставай от него; не будь его рабом, но свободно с ним соглашайся: будешь владеть им, когда не презришь его совета; будешь его жертвою или окружишь себя жертвами, если хочешь его пересилить”» [8. С. 252–253].

Финальной точкой этой «царской педагогики» можно считать письмо к великому князю Александру Николаевичу от 3 (15) декабря 1848 г. – 19 (31) января 1849 г., где Жуковский в очередной раз ссылается на слова Миллера, спроецированные на события Мартовской революции в Германии: «Надобно повторить здесь правила Иоганна Миллера: умеренность, порядок или (как должно перевести эти слова) Божия правда» [27].

Педагогическая деятельность Жуковского в должности воспитателя наследника престола, продолжавшаяся до 1837 г., нашла свое продолжение в 1840-е гг., в ходе занятий уже с собственными детьми, для которых он хотел разработать такой же полный и систематичный круг образования, переведя тем самым элитарное образование на уровень общедоступного. Подготовленные материалы Жуковский думал издать впоследствии как пособие для родителей и учителей. Плодом этих усилий выступили и заметки о воспитании, вошедшие в цикл «Мыслей и замечаний».

Литература

1. Кирпичников А. В. А. Жуковский как поэт-воспитатель // Вестн. воспитания. 1902. № 4. С. 1–14.
2. Красногородцев А. В. Педагогические взгляды Жуковского (1852–1902): В память пятидесятилетия со дня смерти поэта. СПб., 1902.
3. Михневич А. Жуковский как педагог // Педагогический сборник. 1902. № 12. С. 361–389.
4. Степанов Н. П. В. А. Жуковский как наставник царя-освободителя. СПб., 1902.
5. Костылева С. Е. В. А. Жуковский – педагог // Белевские чтения: Посвящается памяти протоиерея Михаила Федоровича Бурцева. М., 2002. Вып. 2. С. 122–132.
6. Киселева Л. Н. Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту 3. Материалы международной конференции, посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 199–228.
7. *Le monde slave*. 1925. № 1. Р. 270–277.
8. Жуковский В. А. Подробный план учения Государя Великого Князя Наследника Цесаревича. 1826. Составил Василий Андреевич Жуковский // Русская старина. 1880. № 2. С. 227–253¹.
9. Жуковский В. А. План учения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича // Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 30. Годы учения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего Государя Императора. 1826–

¹ На с. 229–230 – вступительная заметка М. И. Семевского.

1838. Т. 1. СПб., 1880. С. 1–20¹. Жуковский В.А. Польза истории для государей // Собираатель. 1829. № 1. С. 9–11.
10. Жуковский В.А. Сочинения: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878. Т. 6. С. 290.
11. Жуковский В.А. Фелленберг и Песталоцци // Вестн. Европы. 1808. Ч. 42, № 23. С. 185–197.
12. О методе Песталоцци. Отрывок Торлицева путешествия в Швейцарию (в 1803) // Вестн. Европы. 1810. Ч. 49, № 1. С. 290–309.
13. Библиотека В.А. Жуковского: описание / сост. В.В. Лобанов. Томск, 1981.
14. Pestalozzi's sämtliche Schriften. Bd. 1–12. Stuttgart u. Tübingen, 1819–1829.
15. Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984. С. 28.
16. Ротенберг В.А., Шабаева М.Ф. Связи И.-Г. Песталоцци с Россией в первой четверти XIX в. // Сов. педагогика. 1960. № 8. С. 119.
17. О новой методе воспитания, изобретенной Песталоццием, швейцарским педагогом // Вестн. Европы. 1807. Ч. 27, № 11. С. 183–204.
18. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1999–2013.
19. Русский архив. 1900. № 9. С. 9.
20. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. 1813–1852. М., 2009. С. 75.
21. Симиновский П.М., Тебиев Б.К. Образование для добродетели: педагогические взгляды и деятельность В.А. Жуковского. М., 2003.
22. Жуковский В.А. Несколько писем Иоанна Миллера, историка Швейцарии, к Карлу Бонстеттену, другу его // Вестн. Европы. 1810. Ч. 52, № 16. С. 263–285.
23. Жуковский В.А. Отрывки из писем Иоанна Миллера к Карлу Бонстеттену // Вестн. Европы. 1811. Ч. 56, № 6. С. 83–100.
24. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 69.
25. Янушкевич А.С. Круг чтения В.А. Жуковского 1820–1830-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 466–521.
26. Русский архив. 1885. № 2. С. 268.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 6 (32), pp. 125–136. DOI 10.17223/19986645/32/9
 Kiselev Vitaly S., Zhilyakova Emma M., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
 E-mail: kv-uliss@mail.ru / emmaluk@yandex.ru

"PLAN OF THE EDUCATION ... OF TSAREVICH ALEXANDER NIKOLAEVICH" IN THE CONTEXT OF V.A. ZHUKOVSKY'S PEDAGOGICAL LEGACY.

Keywords: V.A. Zhukovsky, I.G. Pestalozzi, history of Russian literature, history of Russian pedagogy.

"Plan of the education of His Imperial Highness Grand Duke Tsarevich Alexander Nikolaevich" is a conceptual and consistent presentation of Zhukovsky's systemic educational programs. In it, he tried to take into account the best practices of contemporary educators, giving them a very personal reflection based on the observations of the preceding family (teacher of Masha and Sasha Protassov, V.I. and A.P. Kireevsky in the late 1800s – middle 1810s) and court practice teaching (teacher of Russian Grand Duchesses Alexandra Feodorovna in 1817–1825 and Elena Pavlovna in 1823–1825). The position of the educator of the Heir to the throne, proposed in July 1824, required a broader and more detailed approach to teaching from Zhukovsky, as he was responsible not only for teaching a single course, but also for coordinating the activities of other teachers and implementing a single universal education program.

The "Plan of the education" is a holistic account of the program, known to us from a draft autograph (Pushkin House. Onegin Collection. No. 27815. P. 2–20) and its copy (Pushkin House. Fund 265 (Archive of *Russkaya Starina* journal). List 2. No. 1043. Page 1–36 rev.). The second version of the text dates back to the end of 1825 – beginning of 1826; it is the draft of the fair copy intended for the approval of Emperor Nicholas I. It was preserved in the papers of G.P. Pavsky and later became the source for the publishers of *Russkaya Starina* journal (the first edition of the "Plan"). Corrections Zhukovsky made in the manuscript of the Onegin Collection are already the next stage of text process-

¹ На с. 20 помета: Сообщен М.И. Семевским.

ing and were most likely made in the second half of 1829, when the writer was considering the idea of a pedagogical court journal "The Collector" ("Sobiratel"). Zhukovsky included the great final piece of the "Plan" entitled "The use of history for sovereigns" there.

The purpose of a comprehensive education and training of the Heir to the throne was to be achieved in three phases which were the prototypes of primary, secondary and higher education. The first phase – from 8 to 13 – included "preparatory learning", i.e. the study of general disciplines. The second period – from 13 to 18 – called for "detailed learning", i.e. systematic courses of the basics of sciences, and the third period – from 18 to 20 – "applied learning", focused on the life practice of the Heir to the throne, his "professional" duties. Zhukovsky founded his pedagogical system on the procedure by I.G. Pestalozzi (1746-1827), the creator of an original system of education based on the ideas of Jean Jacques Rousseau. The system had an immense impact on the European educational thought.

The writer was the promoter of this system, popular in Russia since the end of the 18th century, since the period of his editing *The Messenger of Europe* (1808-1811). In the preparation and implementation of the "Plan", Zhukovsky showed himself as a genuine teacher and innovator who successfully adapted the model of teaching in people's school Pestalozzi developed to the individualized education for the elite.

References

1. Kirpichnikov A. V.A. Zhukovskiy kak poet-vospitatel' [Zhukovsky as a poet-educator]. *Vestnik vospitaniya*, 1902, no. 4, pp. 1-14.
2. Krasnogorodtsev A.V. *Pedagogicheskie vzglyady Zhukovskogo (1852- 1902): V pamyat' pyatidesyatiletiya so dnya smerti poeta* [Pedagogical views of Zhukovsky (1852- 1902): In commemoration of the fiftieth anniversary of the death of the poet]. St. Petersburg, 1902.
3. Mikhnevich A. Zhukovskiy kak pedagog [Zhukovsky as a teacher]. *Pedagogicheskii sbornik*, 1902, no. 12, pp. 361-389.
4. Stepanov N.P. *V.A. Zhukovskiy kak nastavnik tsarya-osvoboditelya* [V.A. Zhukovsky as a mentor of Tsar the Liberator]. St. Petersburg, 1902.
5. Kostyleva S.E. [V.A. Zhukovsky as a teacher]. *Belevskie chteniya: Posvyashchaetsya pamyati protoiereya Mikhaila Fedorovicha Burtseva* [Belevsky Readings: Dedicated to the memory of Archpriest Mikhail Fedorovich Burtsev]. Moscow, 2002, issue 2, pp. 122-132. (In Russian).
6. Kiseleva L.N. [Zhukovsky as the Russian language teacher (beginning of the "royal pedagogy")]. *Pushkinskie chteniya v Tartu 3. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 220-letiyu V.A. Zhukovskogo i 200-letiyu F.I. Tyutcheva* [Pushkin Readings in Tartu 3. Proceedings of the international conference on the 220th anniversary of V.A. Zhukovsky and the 200th anniversary of F.I. Tyutchev]. Tartu, 2004, pp. 199-228. (In Russian).
7. *Le monde slave*, 1925, no. 1, pp. 270-277.
8. Zhukovsky V.A. *Podrobnnyy plan ucheniya Gosudarya Velikogo Knyazya Naslednika Tsesarevicha. 1826. Sostavil Vasilii Andreevich Zhukovskiy* [A detailed plan for the education of Grand Duke Tsarevich. 1826. Compiled by Vasily Zhukovsky]. *Russkaya starina*, 1880, no. 2, pp. 227-253.
9. Zhukovsky V.A. *Plan ucheniya Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarya Velikogo Knyazya Naslednika Tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha* [A Detailed Plan of the Education of His Imperial Highness Grand Duke Tsarevich Alexander Nikolaevich]. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva*, 1880, issue 30, pp. 1-20.
10. Zhukovskiy V.A. *Pol'za istorii dlya gosudarey* [The use of history for sovereigns]. *Sobiratel'*, 1829, no. 1, pp. 9-11.
11. Efremov P.A. (ed.) *Sochineniya V.A. Zhukovskogo: V 6 t.* [Works of V.A. Zhukovsky: in 6 vols.]. 7th edition. St. Petersburg, 1878. Vol. 6, p. 290.
12. Zhukovskiy V.A. *Fellenberg i Pestalotzi* [Fellenberg and Pestalozzi]. *Vestnik Evropy – The Messenger of Europe*, 1808, pt. 42, no. 23, pp. 185-197.
13. *O metode Pestalotziya. Otryvok Torlitseva puteshestviya v Shveysariyu (v 1803)* [The method of Pestalozzi. Excerpt of Torlitsev's travel to Switzerland (in 1803)]. *Vestnik Evropy – The Messenger of Europe*, 1810, pt. 49, no. 1, pp. 290-309.
14. Lobanov V.V. *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: Opisanie* [The library of V.A. Zhukovsky: Description]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1981.
15. *Pestalozzi's sämtliche Schriften*. Stuttgart u. Tübingen, 1819-1829. Bd. 1-12.
16. Danilevskiy R.Yu. *Rossiya i Shveysariya. Literaturnye svyazi XVIII-XIX vv.* [Russia and

Switzerland. Literary connections in the 18th-19th centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1984. 276 p.

17. Rotenberg V.A., Shabaeva M.F. Svyazi I.-G. Pestalotstsi s Rossiey v pervoy chetverti XIX v. [Connections of Pestalozzi with Russia in the first quarter of the 19th century]. *Sovetskaya pedagogika*, 1960, no. 8.

18. O novoy metode vospitaniya, izobretennoy Pestalotstsiem, shveytsarskim pedagogom [On a new method of education invented by Pestalozzi, a Swiss teacher]. *Vestnik Evropy – The Messenger of Europe*, 1807, pt. 27, no. 11, pp. 183-204.

19. Zhukovskiy V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 vols.]. Moscow, 1999-2013.

20. *Russkiy arkhiv*, 1900, no. 9, p. 9.

21. Zhilyakova E.M. (ed.) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy. 1813-1852* [Correspondence of V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina. 1813-1852]. Moscow: Znak Publ., 2009. 728 p.

22. Siminovskiy P.M., Tebiev B.K. *Obrazovanie dlya dobrodeteli: pedagogicheskie vzglyady i deyatel'nost' V.A. Zhukovskogo* [Education for virtue: pedagogical views and activities of V.A. Zhukovsky]. Moscow: International Pedagogical Academy Publ., 2003. 160 p.

23. Zhukovskiy V.A. Neskol'ko pisem Ioanna Millera, istorika Shveytsarii, k Karlu Bonstettenu, drugu ego [Several letters of John Miller, a historian from Switzerland, to Karl Bonstetten, his friend]. *Vestnik Evropy – The Messenger of Europe*, 1810, pt. 52, no. 16, pp. 263-285.

24. Zhukovskiy V.A. Otryvki iz pisem Ioanna Millera k Karlu Bonstettenu [Excerpts from the letters of John Miller to Karl Bonstetten]. *Vestnik Evropy – The Messenger of Europe*, 1811, pt. 56, no. 6, pp. 83-100.

25. *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu* [Letters of V.A. Zhukovsky to Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow, 1895. 322 p.

26. Yanushkevich A.S. *Krug chteniya V. A. Zhukovskogo 1820-1830-kh godov kak otrazhenie ego obshchestvennoy pozitsii* [The reading circle of V.A. Zhukovsky in the 1820-1830s as a reflection of his social position]. In: Kanunova F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [The library of V.A. Zhukovsky in Tomsk]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1978. Pt. 1, pp. 466-521.

27. *Russkiy arkhiv*, 1885, no. 2, p. 268.